

А.А. МИХАЙЛОВ, А.Х. ФАТЕХОВА,
В.А. МОЛОДЦОВА

ВОСПРИЯТИЕ И РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МОСКОВСКОЙ ПЕРИФЕРИИ (ПРИМЕР РАЙОНА ЯСЕНЕВО)¹

Михайлов Александр Александрович, магистр градостроительства Высшей школы урбанистики им. А. А. Высоковского ФГРР НИУ ВШЭ; лаборант-исследователь Совета по изучению производительных сил ВАВТ Минэкономразвития России; Российская Федерация, 117312, г. Москва, ул. Вавилова, д. 7.

E-mail: aamikhaylov_5@edu.hse.ru

Фатехова Алсу Хайсяровна, магистр градостроительства Высшей школы урбанистики им. А. А. Высоковского ФГРР НИУ ВШЭ; Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 13, стр. 4.

E-mail: afatehova@gmail.com

Молодцова Варвара Александровна, магистр градостроительства Высшая школа урбанистики им. А. А. Высоковского ФГРР НИУ ВШЭ, младший научный сотрудник Высшей школы урбанистики им. А. А. Высоковского ФГРР НИУ ВШЭ; Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 13, стр. 4.

E-mail: vmolodtsova@hse.ru

Окраинные районы Москвы неоднозначно воспринимаются жителями в контексте устройства города как центр-периферийной системы. В данной статье на примере района Ясенево рассматриваются следующие вопросы: чем отличаются репрезентации района с точки зрения его жителей от условно объективных характеристик его социально-экономического положения? В чем причины подобных отличий?

В ходе исследования удается прийти к пониманию ряда значимых отличий социально-экономических особенностей положения Ясенева на городской периферии от его восприятия. Наиболее значимыми причинами отличий являются влияние исторического контекста застройки данной территории и сложившиеся представления жителей о Ясеневе как «молодом» и «зеленом» районе, лишь частично подтверждаемые статистикой. Район, располагающийся на окраине города и обладающий выраженной изолированностью от других территорий, воспринимается жителями не «окраинным» в контексте центр-периферийных отношений общегородского уровня, но, напротив, самостоятельно репрезентирующим подобную систему, в том числе вследствие аспектов своего положения в пространстве Москвы и уникальной планировочной структуры.

Ключевые слова: культурная география; локальная идентичность; периферия; метод «регионального синдрома»; восприятие периферии

Цитирование: Михайлов А.А., Фатехова А.Х., Молодцова В.А. (2019) Восприятие и репрезентация московской периферии (пример района Ясенево)//Городские исследования и практики. Т. 4. № 2. С. 59–72. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp42201959-72>

Введение. Пространство Москвы с точки зрения центр-периферийной концепции

В центр-периферийной концепции [Friedmann, 1966] выделяется ряд особенностей устройства города. В первую очередь речь идет об определенном пространственном неравенстве. Как правило, центр занимает меньшую площадь, чем периферия, но отлича-

¹ Статья подготовлена на основе исследования № 19-04-052, выполненного в рамках программ «Научный фонд Национального исследовательского университета „Высшая школа экономики“ (НИУ ВШЭ)» и государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100» в 2019 году.

ется более высокой плотностью различных аспектов социально-экономической активности — в нем сосредотачиваются места принятия экономических и политических решений.

Во-вторых, центр и периферия характеризуются определенным неравенством с точки зрения символического и смыслового наполнения. Периферия представляется как нечто самостоятельно себя не осмысляющее, в связи с чем может быть подвергнуто осмыслению только *со стороны* — к примеру, со стороны центра (если в системе существует центр, то должно быть и место с противоположными характеристиками, то есть периферия [Parker, 1998]). Подобный аспект центр-периферийных отношений получил большое развитие в концепции *ориентализма* [Сауд, 2006].

Рассмотрим Москву с точки зрения двух вышеуказанных аспектов центр-периферийной концепции. Единой точки зрения относительно того, какую часть Москвы можно было бы назвать периферией, нет. Центр Москвы имеет относительно четкие очертания — в силу сложившейся планировочной структуры он обычно ограничивается одной из кольцевых магистралей, к примеру Бульварным или Садовым кольцом; в ряде работ понятие центра города также экстраполируется на его наиболее престижные районы на западе, северо- и юго-западе.

В свою очередь, периферия (в некоторых случаях также полупериферия) позиционируется как нечто, не входящее в состав центра. По сути, это территория, аналогичная «выморочному району» в концепции Л.В. Смирнягина — нечто, выделяемое по остаточному принципу после районирования остальной территории [Смирнягин, 1989]. Вследствие различий в определении понятия периферии возникает существенный разброс оценок площади и числа ночного населения периферии. В территориальном плане площадь периферии может варьироваться от территории прилегающих к МКАД жилых массивов до достаточно обширной зоны между ТТК и МКАД.

Еще один важный аспект связан с особенностью восприятия периферийной зоны Москвы. Основные территории периферийных районов застраивались преимущественно во второй половине XX века, и в структуре жилого фонда преобладают образцы типового домостроения. В первом приближении эти районы, по выражению О.И. Вендиной [Вендина, 2012], выглядят «безликими»². В силу данного обстоятельства районы «бублика» не располагают потенциалом для развития культурного ландшафта — единства природных и культурных компонентов, позволяющих сформировать локальную идентичность.

Однако при более детальном изучении оказывается, что все устроено еще сложнее. С точки зрения местных жителей или иных активных пользователей данной территории, далеко не весь «панельный бублик» одинаково безличен. Каждый индивид имеет собственный опыт осмысления пространства, в результате чего периферия обретает внутреннюю дифференциацию, во многом опирающуюся на уровень осведомленности о территории и особенности ее культурного ландшафта [Линч, 1982]. В ряде случаев влияние подобных аспектов восприятия оказывается настолько существенным, что приводит к субъективному искажению представлений о положении района в вышеупомянутой центр-периферийной городской системе. Так, жители периферийных районов могут не воспринимать свой район окраинным, хотя его «*окраинное*» положение задается социально-экономической характеристикой территории. Именно различие «субъективного» и «объективного» восприятия жителей как основных акторов территории и будет рассматриваться в данной статье на примере района Ясенево.

Исследовательская гипотеза заключается в том, что, с точки зрения репрезентации жителей, Ясенево не должно выступать типичным районом московской периферии, тогда как объективные характеристики указывают на обратное. В связи с этим ключевой исследовательский вопрос работы формулируется следующим образом: в чем заключаются отличия репрезентации Ясенева его жителями от условно объективных характеристик социально-экономического положения района? Каковы возможные причины таких отличий?

Объектом исследования выступает культурный ландшафт Ясенева, предметом — аспекты репрезентации культурного ландшафта с точки зрения его жителей в контексте центр-периферийной концепции. Ключевая цель данной работы заключается в изучении взаимосвязи положения района Ясенево в городском пространстве с аспектами его восприятия и репрезентации жителями. Задачи исследования включают в себя анализ социально-экономического положения Ясенева в контексте Москвы, выделение расхождений репрезентации образа рай-

2 В.Л. Каганский назвал данную территорию «панельным бубликом» [Каганский, 2018].

она и фактических особенностей его положения, а также определение причин подобных расхождений.

Поскольку задачи исследования предполагают сопоставление различных точек зрения на особенности положения района, методика требует использования смешанных методов исследования. В связи с этим предлагается сделать акцент на двух группах методов.

1. Статистические — метод «регионального синдрома», разработанный А.В. Новиковым и В.Л. Каганским [Каганский, Новиков, 1989]. Ключевая особенность данного метода заключается в использовании статистических данных о районе для выделения показателей, по которым он заметнее всего отличается от средних значений по анализируемой территории. Подобным образом можно вычлениить наиболее специфические для района «объективные» показатели.
2. Методы качественной социологии — анализ полуструктурированных интервью с жителями Ясенева для изучения особенностей субъективного восприятия района жителями и его репрезентации в контексте территории города Москвы. В ходе исследования было проведено 20 интервью с жителями района в возрасте от 23 лет до 71 года. Шесть респондентов проживают на территории района с рождения, остальные являются жителями Ясенева от 6 лет до 41 года. Пять респондентов проживали на территориях других районов Москвы. Интервьюирование проводилось в феврале — мае 2019 года на территории района Ясенево.

Теоретическое осмысление периферии

Первоначально концепция «центр — периферия» развивалась как геополитическая [Spykman, 1944; Meining, 1956], однако с середины 1950-х годов она используется и для более крупномасштабного анализа, например, мезорегионального уровня, где в качестве периферии могут рассматриваться части страны [Pelc, 2006; Pileček, Jančák, 2011]. Именно изменение масштаба территорий для приложения принципов концепции становится основанием для формирования регионального подхода — рассмотрения процессов развития регионов в контексте их отношений в центрально-периферийной модели.

В середине 1960-х годов Дж. Фридман сформулировал теорию регионального развития [Friedmann, 1964], сутью которой является выделение существенных отличий в развитии центральных и периферийных районов и росте диспропорций в ходе их эволюции. Важно отметить, что Дж. Фридман выделяет понятие «неоднородность» периферии, которое обуславливается различной степенью ее выраженности и удаленностью от ядра. Еще одним важным аспектом данной теории является многоуровневый характер системы центров, формирующих определенную пространственную иерархию. Подобный подход встречается во многих работах, посвященных выделению локальных центров в городском контексте [Giuliano, Small, 1991; McMillen, Smith, 2003; Высоковский, 2008].

Рассматривая центр и периферию с точки зрения структуры градостроительной системы и теории общего городского развития А.Э. Гутнова [Гутнов, 1984], возникновение района Ясенево можно определить как прирост ткани ввиду резкого роста размеров всей системы. Тогда «опережающее развитие» ткани по сравнению с каркасом является подтверждением периферийного статуса района, а создание элементов каркаса (например, строительство станций метро в районе) — стиранием границ между периферией и условным центром.

Такое стирание границ происходит не только в физическом, но и в ментальном пространстве. В 1960–1970-х годах возникают новые концепции культурной географии [Митин, 2011; 2012], которые качественно переосмыслиют представления о культурном ландшафте. Если ранее последний представлялся результатом действия культуры-субъекта на природный ландшафт-объект [Sauer, 1963, p. 343], то теперь ландшафт представляется через осмысление, символизацию и присваивание территории [Brace, 2003; Robertson, Richards, 2003; Rowntree, Conkey, 1980].

Соответственно основной вклад в конструировании культурного ландшафта теперь отводится ментальным, а не физическим действиям человека, и ландшафт отражает его субъективный опыт [Рагулина, 2015]. Культурный ландшафт, таким образом, — репрезентация, образ пространства и времени [Рагулина, 2004]. «Ландшафт — не просто мир, который мы видим, а конструкция, композиция этого мира» [Cosgrove, 1998]. Эту же идею в привязке к простран-

ству города разделяет О.И. Вендина: «Для городской идентичности важно не место само по себе, а чувство места, сплав физической реальности и вызываемых ею эмоций» [Вендина, 2012].

Именно «означивание» места, а точнее особенности означивания периферийных районов в центрально-периферийной системе, представляют интерес для изучения. Означивание выражается в формировании образов, их репрезентации и является последовательным процессом препарирования исходных образов и символов, характеризующих исследуемую территорию [Замятин, 2017].

Изучению формирования и развития культурного ландшафта московской периферии долгое время не уделялось особого внимания. Тем не менее в последнее время появилось некоторое количество работ, посвященных переосмыслению периферии как части культурного ландшафта города [Снопек, 2013; Калашников, 2002]. В 2013 году тему изучения окраин крупных городов мира продолжил сборник «Археология периферии» [Григорян, 2013], где показано, что изучение различных аспектов существования периферии позволяет охарактеризовать ее, проявить различные смыслы исследуемой территории. В главе «Восприятие района» описано, как в зависимости от пола и возраста респонденты выделяют те или иные особенности территории, являющиеся для них локальными идентификаторами какого-либо места, как выделяют его среди других. Можно предположить, что в течение жизни локальные идентификаторы человека могут меняться в зависимости от тех потребностей, удовлетворение которых обеспечивается проживанием в данном районе. Так, в Москве 37% респондентов воспринимают свой район как «район вблизи центра». Поскольку в исследовании участвовали районы, расположенные за ТТК, такой результат является иллюстрацией субъективного и «объективного» восприятия жителей. Подобные выводы можно встретить в нескольких исследованиях восприятия периферийных районов их жителями³, а также в статье, анализирующей территориальную идентичность старшего поколения жителей московского Тушина [Стрельникова, 2018]. Население этого района до сих пор воспринимает его как промышленный, живет прошлым, воспроизводя идентичность заводского района.

В другом знаковом исследовании, «Механика Москвы» [Пузанов, 2015], вопрос связи городской среды с образом жизни горожан заставляет исследователей опуститься для сбора данных на уровень районов, который, в отличие от уровня административных округов⁴, позволяет увидеть закономерности, отражающие разделение города на центр и периферию. Изучение периферийных районов, поиск их идентичности и потенциала развития продолжается в исследованиях проекта «Дворулица»⁵: «Слово „периферия“ перестанет носить отрицательное значение. Периферия города станет удобной для повседневной жизни средой, ценной тем, что отличается от городского центра». Трансформация периферийных и полупериферийных районов позволит освоить «рыхлое» пространство жилых кварталов и насытить его функциями комфортного повседневного существования, не разрушив при этом особый ментальный смысл такого типа структуры.

Аспекты репрезентации культурного ландшафта Ясенева

Применение метода регионального синдрома показало характерный функционал «спального» района: высокий уровень обеспеченности коммерческими услугами повседневного спроса, социальными услугами и объектами рекреации и спорта. Высокий уровень межрегиональной миграции, средняя заработная плата ниже среднего уровня по городу подводят к мысли о возможной роли Ясенева как перевалочного пункта при переезде в столицу. Также важным является относительно высокий уровень смертности в районе, что может свидетельствовать о старении населения⁶.

³ «Прошлое и настоящее рабочих районов: трансформации социокультурной и территориальной идентичности», 2017–2019; «Быт и культура промышленных рабочих: этнографическое кейс-стади заводского района, г. Екатеринбург», 2017–2018. Данные проекты проводились под руководством А.В. Стрельниковой.

⁴ Особенности которых в своем путеводителе описывает В. Глушкова [Глушкова, 2008].

⁵ См.: <http://dvorulitsa.moscow>.

⁶ Более подробные результаты и описание методики исследования можно найти в статье «Увидеть невидимое: в поисках локальной идентичности района Ясенево в Москве» [Аларушкина, 2019].

Сопоставление «субъективной» и «объективной» репрезентаций позволило выявить несколько расхождений между «картинкой» метода регионального синдрома и представлениями жителей о своем районе.

«Молодой район» и район молодости

Одной из отличительных черт Ясенева, выявленной в ходе анализа взятых интервью, является сохранение представлений о «молодости» района. Первыми его жителями, заселявшимися одновременно с продолжением строительства, стали преимущественно молодые семьи с детьми.

Они [родители] переехали в Ясенево где-то году в 79–80-м, когда район только строился. Они были молодые, им нужна была где-то квартира, и, соответственно, здесь получилось так, что выдавали квартиры от места, где работал мой дедушка. <...> В основной своей массе люди, которые сюда приехали, были сверстники моих родителей, у них у всех в основном были дети моего возраста, ну то есть как бы <...> очень много детей. (М, 39 лет, живет в Ясенево с рождения)

В данном случае восприятие района как «молодого» связано с памятью о времени его строительства. Оно сравнимо с появлением отдельного города, возводимого с нуля, и нашло заметное отражение в первых впечатлениях детей, родившихся там.

Все: и люди молодые, и дома молодые. Если из детства смотреть, это у меня отложилось: Ясенево — район свежестроенный. (М, 39 лет, живет в Ясенево с рождения)

Несмотря на четкую тенденцию старения населения, в восприятии респондентов современный портрет жителя Ясенева — молодые люди, семьи с детьми, подростки.

Очень много ровесников, очень много детей. То есть у меня достаточно молодой район. И очень часто, когда вечером гуляешь, кто-то ходит, кто-то тусуется. Если чем-то и отличается, то, наверное, тем, что много молодого поколения. (Ж, 25 лет, проживает в Ясенево с рождения)

Пенсионеров на самом деле не думаю, что много, либо их просто не видно. Средний возраст района, наверное, лет 35–40.
(М, 29 лет, проживает в Ясенево с рождения)

Но мне кажется, здесь больше молодых семей, больше мам, детей, больше молодежи. (Ж, 42 года, проживает в районе 12 лет)

Сюда же можно отнести противоречие восприятия материальной среды района. Ясенево воспринимается новым и молодым районом так же, как в первые годы своего существования. Хотя со времени строительства и заселения первых жителей прошло уже 40–50 лет, район отличается крайне низким объемом нового строительства в рамках застройки по единому плану и отсутствием территорий для новой застройки.

Я скажу, что этот район помоложе. Ясенево помоложе. Даже, как сказать <...>. Я, конечно, все население не могла вот так статистически узнать, опросить. Может быть, пространство давало такое ощущение — помоложе, поновей, посовременней. (Ж, 42 года, проживает в районе 12 лет)

Таким образом, жители Ясенева характеризуют свой район как современный, молодой демографически и физически. Причины такого субъективного восприятия проявляются в ответах респондентов: заселение района молодыми семьями с детьми, одновременное взросление района и его жителей, строительство на неосвоенных территориях, а также личный опыт взаимодействия с районом и его жителями.

«Зеленый» район, или город, перетекающий в лесопарк

Значительная в плане административных границ площадь Ясенева обусловлена наличием на его территории крупных лесных насаждений. Помимо Битцевского леса, городские кварталы окружены Ясневским и Голубинским лесопарками. При общей площади района 25,4 кв. км, лесопарковые и парковые зоны занимают около 17 кв. км, то есть примерно 67% территории района. Характеристика Ясенева как «зеленого» района подкрепляется включением его в различные рейтинги благоприятных для жизни районов^{7,8}.

Несмотря на высокую долю озелененных территорий в составе района, которая является его отличительной чертой и по результатам метода регионального синдрома, респонденты отмечают, что первоначально внутри жилых массивов было совсем немного зелени, и восприятие района «зеленым» складывается, таким образом, из-за его нахождения в кольце парков. Также этому способствовало сохранение изначально заложенной планировочной структуры, предполагающей высокую плотность застройки, что впоследствии определило отсутствие точечной застройки и позволило сохранить дворовые пространства, часть из которых была озеленена самими жителями.

Я этого, конечно, не помню, а родители мне рассказывали, что район был, как и все новостройки Советского Союза, он был никак не озеленен. Это была такая пустыня, где торчат какие-то куски арматуры, закопанные прямо в землю, и прочее, и прочее. И вот большая часть той зелени, которую вы видите, да, это то, что люди сами привозили с дачи, выкапывали из леса и на субботах все это рассаживали. И вот мы имеем очень зеленый, на мой взгляд, район, это очень круто. Но это все усилиями самих жильцов, вся работа проделана по озеленению. (Ж, 41 год, проживает в районе с рождения)

Для большинства респондентов качество «зелености» района связано с возможностью отдыха в местных парках и усадьбах и разнопланового досуга. В некоторой степени этому способствует планировочная структура микрорайонов, расположенных полукругом вдоль Литовского бульвара: формируемые ими пространства открыты в сторону Битцевского лесопарка, перетекают в него, и прилегающие к домам городские леса рассматриваются жителями не как нечто отдельное от жилого массива, а, скорее, наоборот — как нечто функционально с ним связанное.

Вы знаете, я, наверное, так вам скажу: любая природная территория, Битцевский лес не исключение, позволяет любому человеку абстрагироваться от нашей действительности окружающей. <...> Этим-то и хороши внутригородские природные территории, что ты все равно себя чувствуешь дома. Я вам не могу сказать, что, находясь в Битцевском лесу, я чувствую, что я покинул район Ясенево, нет, все равно это вот на расстоянии вытянутой руки, и мне это как-то греет душу. (М, 42 года, проживает в Ясенево 41 год)

Компактность жилой застройки и ее расположение в кольце лесопарков вносит в восприятие Ясенева ощущение «зеленого острова». Это отмечается самими жителями и, как ими неоднократно заявлено, служит одним из факторов выбора места проживания при переезде.

Я живу в 22-этажке, и когда поднимаешься на последний этаж и смотришь — просто реально все зеленое. Вот то есть куда ни повернись, посмотришь в сторону домов — там тоже все зеленое. Смотришь в лес — там очевидно все зеленое, то есть такое более природное. Много природы. (Ж, 23 года, проживает в районе с рождения)

Потом мы зашли уже в квартиру, там в другую сторону смотрим — и там чернеют в сумерках таких леса, за горизонт уходя, как море. И я такая: «Ну, нормально вроде, можно жить». (Ж, 42 года, проживает в районе с рождения)

7 Лучшие районы Москвы/ Недвижимость 911 – интернет-журнал о недвижимости: <https://property911.ru/kvartira/luchshie-rajony-moskvy.html>.

8 12 лучших районов Москвы для проживания//expertology: <https://expertology.ru/12-luchshikh-rayonov-moskvy-dlya-prozhivaniya/>.

Практически мы утопаем в зелени, и нас окружает круг вот этого Битцевского лесопарка. (Ж, 45 лет, проживает в Ясенево 40 лет)

При этом «зеленость» района информанты репрезентируют вместе с другими его характеристиками, наблюдаемыми ими в повседневной жизни, — к примеру, открытым горизонтом и благоприятной экологической обстановкой.

Да, «зеленый» район, чистый район. А мы жили на Дербеневской. Там был химзавод, дрожжевой завод, ситценабивная фабрика, и все. Снег зимой был розовый, голубой, какой хочешь. И пахло еще дрожжами. И поэтому, переехав сюда, мы вообще задышали полной грудью. Нам здесь очень понравилось. (Ж, 55 лет, проживает в Ясенево 42 года)

Несмотря на наличие зеленых зон, бульваров и скверов на застроенной территории района, его восприятие как «зеленого» сформировано в большей степени расположением в окружении лесопарков, которые активно используются жителями в повседневной жизни, а также особенностями планировочной структуры.

Сообщество и идентичность: вопреки тенденциям

Метод «регионального синдрома» выявил в районе высокий уровень межрегиональной миграции по сравнению с другими территориями города. При этом существенный межрегиональный приток населения компенсируется относительно высоким внутригородским оттоком. Поскольку нового жилищного строительства в районе практически не ведется, наиболее вероятно наличие «промывного режима» миграции: приезжающие в город в большинстве своем не могут из-за дороговизны позволить себе поселиться в его центральной части. Впоследствии, по мере роста доходов, они переселяются ближе к центру. Вероятное следствие такого режима — слабая сформированность устойчивых местных сообществ.

В теории ситуация должна усугубляться планировочной структурой: отсутствие разграничения публичных пространств внутри микрорайона, как отмечалось, к примеру, в исследовании А.А. Шляховой и Р.А. Дохова [Шляхова, Дохов, 2018], также затрудняет процесс формирования устойчивых местных сообществ.

Однако основанием для формирования таких сообществ стала в некоторой степени сама история заселения района. Стоящие на еще не асфальтированных улицах дома заселялись преимущественно молодыми семьями, получившими квартиры от предприятий, на которых они работали. Общность места работы и необходимость совместного обустройства быта достаточно сильно сплачивали людей: облагораживать придомовую территорию, строить детские площадки в первое время приходилось самостоятельно.

Мы строили сами песочницы, лавочки, качели — все своими руками. Никакой ДЭЗ, никто нам не помогал. Нам это было очень дорого, мы ухаживали всегда. <...> Да, мы на Ясногорскую приехали, очень много одного возраста. У всех маленькие дети. Вот я говорю, что мы строили качели, лавочки, и мы очень сдружились. (Ж, 55 лет, проживает в Ясенево 42 года)

Наличие общего двора внутри микрорайона вместе с необходимостью его совместного обустройства влияли и продолжают влиять на формирование сообществ — в основном детских и подростковых, так как именно они являются основными постоянными пользователями дворовых пространств. Как и в других районах Москвы [Григорян, 2013], важным критерием территориальной дифференциации становится деление по школам, однако ввиду объединения последних в укрупненные образовательные комплексы подобное деление в некоторой степени теряет свою значимость. Тем не менее с самого момента застройки территории важную роль в формировании локальной идентичности играет разделение территории по замкнутым микрорайонам, именуемым в Ясенево «штатами» (рис. 1, 2).

А очень просто, «штаты» разделялись улицами. <...> То есть, как правило, «штатами» считались такие места — переходишь через улицу крупную, и ты в другом «штате». Все очень

Рис. 1. Планировочная структура района – «штаты» Ясенева (изображение дополнено авторами)

Источник: <https://web.archive.org/web/20161030083727/http://www.panoramio.com/photo/107604294>, CC BY 3.0.

Также респонденты выделяют «хозяйское», заботливое отношение жителей их района к общественным территориям, участие в общественных слушаниях, районных мероприятиях:

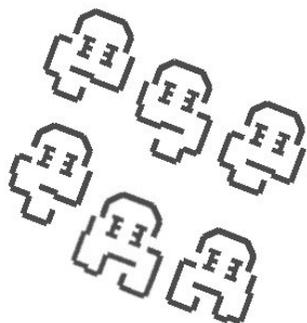

Рис. 2. Схематичное изображение «штатов» Ясенева

Источник: выполнено авторами.

Мне в Ясенева до всего есть дело, <...> ну, вот, условно говоря, вот идут люди, видят, не работает светофор, сразу берут телефон, кому-то звонят. Или не знаю, потерялась собака, значит, надо найти владельца собаки. Сломалось дерево от грозы — значит, надо что-то сделать с этим деревом. <...> Мы у себя дома и как-то вот свою жизнь пытаемся сделать лучше внутри своего дома, вот. <...> Когда у нас в районе проводятся какие-либо мероприятия общественные, будь то публичные слушания по какому-то проекту или встреча жителей, да, вот они, как правило, проводятся по одним и тем же адресам, это тоже приятный маршрут, потому что ты знаешь, что идешь на встречу с людьми, которые тоже в этом районе живут, это твои друзья. (М, 42 года, проживает в Ясенева 41 год)

«Объективное» представление о районе как существенно вовлеченном в миграционные процессы и, как следствие, характеризующимся низким уровнем самоотождествления жителей с его территорией не совпадает с «субъективным». Жители заботливо относятся к своему району, стремятся решать локальные проблемы силами местного сообщества; также в Ясенева существуют сложившиеся представления о структурном делении его территории. Особенности планировочной структуры и наличие «штатов» как элементов внутренней территориальной дифференциации района являются важными компонентами, формирующими общность его жителей.

Уникальность не уникального

Упоминание окраинного положения условного района обычно вызывает в восприятии негативные ассоциации, связанные с их «безликостью» [Вендина, 2012], удаленностью, изолированностью. Однако жители Ясенева видят его совсем иначе, и негативную коннотацию «периферийности» воспринимают как положительную. Многие жители признают, что поездка к центру города занимает у них достаточно много времени, однако после этого неизменно говорят про спокойствие и зеленое окружение.

просто. То есть практически четкие квадраты получаются. (М, 41 год, проживает в Ясенева с рождения)

Кстати, было в школе прям распространено: «А ты из какого „штата“»? «А я из 17-го». С другого не то что района, но всегда была граница между «штатами». (Ж, 23 года, проживает в районе с рождения)

С точки зрения человека, который не проживает на территории конкретного микрорайона, он представляется замкнутым пространством, и этот человек, скорее всего, обойдет его по улицам. С позиции же жителя «штата» последний не является замкнутым: практически все объекты сферы услуг, в особенности повседневного спроса, располагаются с внешней стороны массива, поэтому наиболее обжитая территория ограничивается улицами, окружающими данный массив.

Смотрите, я живу в Москве. До любого объекта в центре города — музея или еще что-то там — мне минут 40, максимум 45 ехать. Вышел из дома — 5–7 минут до метро. До того же парка, спортплощадки тоже это же время. 7 там, 10 минут. (М, 70 лет, проживает в Ясенево 40 лет)

Интересно также отметить, как изменилось представление о положении района в городском пространстве после присоединения территории Новой Москвы. Последняя «переместила» Ясенево существенно ближе к географическому центру столицы, что осмысливается некоторыми информантами как повышение степени «центральности» района и в остальных смыслах данного понятия.

Сейчас, когда он растет на юго-запад, Ясенево стало почти центром города. (Ж, 42 года, проживает в Ясенево 12 лет)

Еще одной важной особенностью, формирующей идентичность района, является его застройка. Построенный по проекту архитектора Я. Белопольского, район обладает несколькими отличительными чертами.

Первая черта — это то, что мы назвали, это простор. Вторая отличительная <...> черта — это то, что район, как я сказал, он при строительстве был вписан в природный ландшафт. То есть здесь перепад местности, он сохранен, никакие площадки не выравнивались, вот все вот как оно было, так оно и осталось, но с построенными домами. Это редкость на самом деле для Москвы, потому что везде ландшафт приспособляется под стройку, подгоняется, насыпается, выравняется. Здесь это было сохранено. Еще отличительная черта — это наш район со всех сторон окружен лесом. (М, 42 года, проживает в Ясенево 41 год)

Наличие значительного перепада высот привело к созданию нового рисунка зданий, располагающихся вдоль горизонталей, закручивающихся в кольцо разной этажности и создающих ветровую тень, в которой располагаются школы и детские сады. Специфический характер застройки — особенность Ясенева не только в «физическом», но и в «ментальном» пространстве.

Да, мне очень нравится вот эта наша подковка. Я такого нигде не видела. Когда издалека открываешь карту, приближаешь, видишь этот овалчик — «о, вот оно, вот оно, мое Ясенево». (Ж, 42 года, проживает в Ясенево 12 лет)

Особые условия «изолированности», проявляющиеся в виде «зеленых» барьеров, особенности рельефа и планировочной структуры позволяют этому району выделяться среди других периферийных городских территорий, иметь уникальные черты и свой собственный характер. Территория района освоена его жителями, осознана, прожита и не может быть поставлена в одну линейку с любыми другими — «обычными», «серыми» или «типовыми» районами. «Объективные» же характеристики, связанные с показателями обеспеченности коммерческими и социальными услугами, присваивают Ясенево статус периферийного и «спального» района.

Заключение: репрезентация Ясенева в контексте московской периферии

Подведем итоги изучения расхождений, возникающих при сопоставлении «объективных» и «субъективных» характеристик, присущих Ясенево. «Объективно» стареющее население района до сих пор воспринимается «молодым». Наиболее важный локальный идентификатор на момент постройки района — его «молодость» — надолго сохранил ведущую роль, несмотря на изменившийся контекст. Такое явление Д. Замятин [Замятин, 2017] называет временным лагом географического образа: образ меняется медленнее, чем объект, относительно которого сформирован образ. Район воспринимается зеленым, но причиной тому является не обилие озеленения внутри застроенной части района, а высокая степень интеграции окружающих район парков в повседневную активность горожан. Район, потенциально неблагоприятный для формирования и развития локальных сообществ в силу особенностей как демографической, так и архитектурно-планировочной специфики, отличается наличием сравнительно раз-

витой локальной общности. Наконец, территория, расположенная на окраине города и обладающая выраженной изолированностью от других его территорий, не «воспринимает» себя в контексте системы центрально-периферийных отношений общегородского уровня, а «создает» собственную репрезентацию подобной системы.

Каковы возможные причины отличий «объективной» и «субъективной» репрезентаций? В первую очередь таковой оказывается символическая насыщенность культурного ландшафта Ясенева. Как можно заметить из цитат глубинных интервью, несмотря на сравнительно небольшой исторический период существования района, накоплен существенный объем символического капитала. Современные репрезентации района во многом базируются на системе ценностей его первых жителей, причем это характерно даже для тех, кто стал жить в Ясенево сравнительно недавно. Отдельные уникальные особенности восприятия района, представленные в трех первых кейсах, формируют обобщенное представление об уникальности его локального контекста, которое, в свою очередь, преобразуется в формат идентичности. Когда данная «уникальность» переносится в восприятие положения района в контексте города в целом, она приводит к искажению его видения и способствует образованию вышеописанных расхождений (морфологическая трансформация образа [Замятин, 2017]).

Во-вторых, важную роль в процессе репрезентации местными жителями положения своего района в городском пространстве играет различие в степени осведомленности о районе своего проживания и других городских территориях. С точки зрения местного жителя, далеко не весь «панельный бублик» Москвы, как его охарактеризовал В.Л. Каганский, является абсолютно одинаковым еще и по этой причине. Как минимум в его составе есть некая территория непосредственного проживания человека, связанная с его повседневной деятельностью, и все остальное пространство, осмысляемое им в меньшей степени. В Ясенево, представляющем собой отдельный жилой массив, окруженный физическими барьерами, данное пространство повседневности вполне логично замыкается внутри района, а в самом районе — внутри «штата». Это облегчает для местного жителя идентификацию дихотомии между «своей» (осмысляемой) и «чужой» (неосмысляемой) городской территорией и способствует субъективному изменению репрезентации пространственного положения Ясенева.

Полученные результаты могут использоваться при изучении аспектов формирования локальной идентичности районов, располагающихся на периферии города Москвы и, возможно, периферийных зон иных городов бывшего СССР, символическому потенциалу культурного ландшафта которых было также уделено сравнительно мало внимания. Практическое использование полученных результатов может быть достигнуто при задействовании данных наработок для геокультурного брендинга территории или работы с местными сообществами.

Источники

- Аларушкина С.А. и др. (2019) Увидеть невидимое: в поисках локальной идентичности района Ясенево в Москве // Интеракция. Интервью. Интерпретация. Т. 11. № 20. С. 133–163.
- Григорян Ю.Э. (ред.) (2013) Археология периферии. Мультидисциплинарное исследование. М.: МУФ.
- Вендина О.И. (2012) Московская идентичность и идентичность москвичей // Известия РАН. Серия географическая. № 5. С. 27–39.
- Высоковский А.А. (2008) Визуальные образы городской среды. Москва: Локус Станди.
- Высоковский А.А. (2006) Стратегия пространственного развития и культура города // Городской альманах. Вып. 2. М.: Фонд «Институт экономики города». С. 109–113.
- Глушкова В.Г. (2008) Москва: от центра до окраин. М.: Вече.
- Гутнов А.Э. (1984) Эволюция градостроительства. М.: Стройиздат.
- Замятин Д. (2017) Культура и пространство. Моделирование географических образов. Litres.
- Каганский В. (2018) Эксклюзив о московском «бублике» от теоретика-географа // Семь искусств. Т. 97. № 4.
- Каганский В.Л., Новиков А.В. (1989) Новый метод выделения существенных признаков для разработки региональных классификаций // Известия АН СССР. Серия географическая. № 1. С. 112–119.
- Калашников Н. (2002) Москва. Окраины // Логос. № 3–4. С. 135–144.
- Линч К. (1982) Образ города. М.: Стройиздат.
- Митин И.И. (2011) На пути к воображаемой географии: два поворота, три пространства // Топос. № 1. С. 62–73.

- Митин И.И. (2012) На пути к региональной культурной географии: опыт англо-американских географов XX века//Псковский регионологический журнал. № 13. С. 3–11.
- Пузанов К., Степанцов П. (2014) «Механика Москвы. Исследование городской среды». Московский институт социально-культурных программ.
- Рагулина М.В. (2004) Культурная география: теории, методы, региональный синтез. Иркутск: Изд-во Ин-та географии СО РАН.
- Рагулина М.В. (2015) О синтезе гуманитарных и естественнонаучных подходов в исследовании культурного ландшафта//Известия Российской академии наук. Серия географическая. № 1. С. 7–13.
- Саид Э. (2006) Ориентализм. СПб.: Русский Мир, 2006.
- Смирнягин Л.В. (1989) Районы США: портрет современной Америки. М.: Мысль.
- Снопек К. (2013) Беляево навсегда: сохранение непримечательного. М.: Strelka Press.
- Стрелецкий В.Н. (2002) Географическое пространство и культура: мировоззренческие установки и исследовательские парадигмы в культурной географии//Известия. Российской Академии Наук. Серия географическая. № 4. С. 18–28.
- Стрельникова А.В. (2018) Смыслы жизни, укорененные в пространстве: ностальгическая идентичность жителей «заводских» районов//Смыслы жизни российской интеллигенции/Д.Г. Цыбикова (сост.), Ж. Тощенко (ред.). М.: РГГУ. С. 275–280.
- Шляховая А.А., Дохов Р.А. (2018) Дворулица: перезапуск периферии постсоциалистического города//Городские исследования и практики. Т. 3. № 1. С. 40–62.
- Brace C. (2003) Landscape and Identity//Studying Cultural Landscapes/P.R. Robertson (ed.). London: Arnold Publishers. P. 121–140.
- Cosgrove D. (1998) Social Formation and Symbolic Landscape (2nd Edition). Madison: Wisconsin University Press.
- Giuliano G., Small K.A. (1991) Subcenters in the Los Angeles Region//Regional Science and Urban Economics. Vol. 21. No. 2. P. 163–182.
- Friedmann J. (1967) A General Theory of Polarized Development. Santiago: Ford Foundation.
- Friedmann J., Alonso W. (1964) Regional Development as a Policy Issue//Regional Development and Planning. Cambridge (Mass.): MIT Press.
- Friedmann J. (1966) Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela. MIT Press.
- McMillen D.P., Smith S.C. (2003) The Number of Subcenters in Large Urban Areas//Journal of Urban Economics. Vol. 53. No. 3. P. 321–338.
- Meining D.W. (1956) Heartland and Rimland in Eurasian History//Western Humanities Quarterly. Vol. 9. No. 3. P. 553–569.
- Parker G. (1998) Geopolitics: Past, Present and Future. Washington: Pinter, 1998.
- Pelc S. (2006) Geographical Marginality in Slovenia from the Point of Demographical Indicators//Revija Za Geografijo. Vol. 2–1. P. 121–131.
- Pileček J., Jančák V. (2011) Theoretical and Methodological Aspects of the Identification and Delimitation of Peripheral Areas//Acta Universitatis Carolinae. Geographica. Vol. 46. No. 1. P. 43–52.
- Robertson I., Richards P. (2003) Introduction//Studying Cultural Landscapes/I. Robertson, P. Richards (eds.). London: Arnold Publishers. P. 1–18.
- Rowntree L.B., Conkey M.W. (1980) Symbolism and Cultural Landscape//Annals of The Association of American Geographers. Vol. 70. No. 4. P. 459–474.
- Sauer C.O. (1963) The Morphology of Landscape//Land and Life/J. Leighly (ed.). Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press. P. 315–350.
- Spykman N.J. (1944) The Geography of The Peace. New York: Harcourt, Brace and Company.

ALEKSANDR MIKHAYLOV, ALSU FATEHOVA,
VARVARA MOLODTSOVA

PERCEPTION AND REPRESENTATION OF THE MOSCOW PERIPHERY: A CASE STUDY OF YASENEVO¹

Aleksandr A. Mikhaylov, Master in Urban Planning (Vysokovsky Graduate School of Urbanism, Faculty of Urban and Regional Development), HSE University; 13 bldg. 4 Myasnitskaya Street, Moscow 101000, Russian Federation; research assistant, Council for Productive Forces of VAVT of Ministry of Economic Development of Russia; 7 Vavilova Street, Moscow, 101000, Russian Federation, tel.: +7 985 975 08 79

E-mail: aamikhaylov_5@edu.hse.ru

Alsu H. Fatehova, Master in Urban Planning (Vysokovsky Graduate School of Urbanism, Faculty of Urban and Regional Development), HSE University; 13 bldg. 4 Myasnitskaya Street, Moscow 101000, Russian Federation, tel.: +7 917 588 55 69

E-mail: afatehova@gmail.com

Varvara A. Molodtsova, Master in Urban Planning, junior research fellow, Vysokovsky Graduate School of Urbanism, Faculty of Urban and Regional Development, HSE University; 13 bldg. 4 Myasnitskaya Street, Moscow 101000, Russian Federation, tel.: +7 916 481 69 44

E-mail: vmolodtsova@hse.ru

Abstract

The peripheral districts of Moscow are ambiguously perceived by residents in terms of communication with the city center. The residential identification of their district in the city as a center-peripheral system is distorted under the influence of the features of the local context. Using the example of Yasenevo district, this article answers the following questions: what are the differences between the representation of the district by its residents and the conditionally objective characteristics of its socio-economic situation? What are the possible reasons for these differences?

The research paper provides a better understanding of a number of significant differences in the socio-economic characteristics of Yasenevo's location on the edge of the city and their perception. Considerably the most significant reasons for these differences are the historical context of the area's development and the existing subjective perceptions of residents about Yasenevo as a young and green district, which are only partially confirmed by statistics. Because of its location and partial isolation, the district is not perceived by residents as an urban periphery in the context of city-wide central-peripheral relations, but represents a similar system itself due to its unique planning structure.

Key words: cultural geography; place identity; periphery; regional syndrome method; perception of periphery

Citation: Mikhaylov A., Fatehova A., Molodtsova V. (2019) Perception and Representation of Moscow Periphery: A Case Study of Yasenevo. *Urban Studies and Practices*, vol. 4, no 2, pp. 59–72 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.17323/usp42201959-72>

¹ The publication was prepared within the framework of the Academic Fund Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE) in 2019 (grant no. 19–04–052) and by the Russian Academic Excellence Project “5–100”.

References

- Alarushkina S. A. et al. (2019) Uvidet' nevidimoe: v poiskah lokal'noj identichnosti rajona Yasenevo v Moskve [To see the invisible: in search of the local identity of the Yasenevo district in Moscow]. *Interakciya. Interv'yu. Interpretaciya* [Interaction. Interview. Interpretation], vol. 11, no 20, pp. 133–163. (in Russian)
- Brace C. (2003) Landscape and identity. *Studying Cultural Landscapes*/P.R. Robertson (ed.). London: Arnold Publishers, pp. 121–140.
- Cosgrove D. (1998) Social formation and Symbolic Landscape (2nd edition). Madison: Wisconsin University Press.
- Giuliano G., Small K.A. (1991) Subcenters in the Los Angeles region. *Regional Science and Urban Economics*, vol. 21, no 2, pp. 163–182.
- Glushkova V.G. (2008) Moskva: ot centra do okrain [Moscow: from center to the outskirts]. M.: Veche. (in Russian)
- Grigoryan Yu.E. (ed.). (2013) Arheologiya periferii. Multidisciplinarnoe issledovanie [Archaeology of periphery: multy-disciplinary research]. M: MUF. (in Russian)
- Gutnov A.E. (1984) Evolyuciya gradostroitel'stva. [Evolution of urban development] M.: Strojizdat. (in Russian)
- Friedmann J. (1967) A general theory of polarized development. Santiago: Ford Foundation.
- Friedmann J., Alonso W. (1964) Regional Development as a Policy Issue. *Regional Development and Planning*. Cambridge (Mass.): MIT Press.
- Friedmann J. (1966) Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela. MIT Press.
- Kaganskij V.L., Novikov A.V. (1989) Novyj metod vydeleniya sushchestvennyh priznakov dlya razrabotki regional'nyh klassifikacij [A new method for highlighting significant features for the development of regional classifications]. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya* [Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR. Geographical Series], no 1, pp. 112–119. (in Russian)
- Kaganskij V. (2018) Eksklyuziv o moskovskom «bublike» ot teoretika-geografa. [Exclusive about the Moscow “donut” from the geographer-theorist]. *Sem' iskusstv* [Seven arts], no 4 (97). (in Russian)
- Kalashnikov N. (2002) Moskva. Okrainy. [Moscow. Outskirts]. *Logos*, no 3–4, pp. 135–144.
- Lynch K. (1982) Obraz goroda [Image of a city] M.: Strojizdat. (in Russian).
- McMillen D.P., Smith S.C. (2003) The number of subcenters in large urban areas. *Journal of Urban Economics*, vol. 53, no 3, pp. 321–338.
- Meining D.W. (1956) Heartland and Rimland in Eurasian History. *Western Humanities Quarterly*, vol. 9, no 3, pp. 553–569.
- Mitin I. I. (2011) Na puti k voobrazhaemoy geografii: dva povorota, tri prostranstva [On the way to imaginary geography: two turns, three spaces]. *Topos*, no 1, pp. 62–73. (in Russian)
- Mitin I. I. (2012) Na puti k regional'noj kul'turnoj geografii: opyt anglo-amerikanskih geografov XX veka [On the way to regional cultural geography: the experience of twentieth-century Anglo-American geographers]. *Pskovskij regionologicheskij zhurnal* [Pskov Regional Science Journal], no 13, pp. 3–11. (in Russian)
- Parker G. (1998) Geopolitics: Past, present and future. London; Washington: Pinter.
- Pelc S. (2006) Geographical Marginality in Slovenia from the Point of Demographical Indicators. *Revija za geografijo*, vol. 2–1, pp. 121–131.
- Pileček J., Jančák V. (2011) Theoretical and Methodological Aspects of the Identification and Delimitation of Peripheral Areas. *Acta Universitatis Carolinae. Geographica*, vol. 46, no 1, pp. 43–52.
- Puzanov K., Stepancov P. (2014) Mehanika Moskvy. Issledovanie gorodskoj sredey [The mechanics of Moscow. Urban Survey]. Moskovskij institut socialno-kulturnykh program [Moscow Institute of socio-cultural programs]. (in Russian)
- Ragulina M.V. (2004) Kulturnaya geografiya: teorii, metody, regionalnyj sintez [Cultural geography: theories, methods, regional synthesis]. Irkutsk: Izd-vo In-ta geografii SO RAN [Publishing of the Institute of Geography of the Syberian Branch of Russian Academy of Sciences]. (in Russian)
- Ragulina M.V. (2015) O sinteze gumanitarnykh i estestvennonauchnykh podhodov v issledovanii kulturnogo landshafta [On the synthesis of humanitarian and natural science approaches in the study of cultural landscape]. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Geography Series], no 1. pp. 7–13. (in Russian)
- Robertson I., Richards P. (2003) Introduction. *Studying Cultural Landscapes*/I. Robertson, P. Richards (eds.). London: Arnold Publishers, pp. 1–18.
- Rowntree L.B., Conkey M.W. (1980) Symbolism and cultural landscape. *Annals of the Association of American Geographers*, vol. 70, no 4, pp. 459–474.
- Said E. (2006) Orientalizm [Orientalism]. SPb., Russkij Mir [The Russian world]. (in Russian)
- Sauer C.O. (1963) The morphology of landscape. *Land and Life*/J. Leighly (ed.). Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, pp. 315–350
- Smirnyagin L.V. (1989) Rajony SShA: portret sovremennoj Ameriki [Regions of the United States: a portrait of modern America]. M.: Mysl. (in Russian)
- Snopek K. (2013) Belyaevu navsegda: sohranenie neprimchatelnogo [Belyaev forever: preservation of the unremarkable]. M.: Strelka Press. (in Russian).
- Spykman N. J. (1944) The Geography of the Peace. New York.

- Streleckij V.N. (2002) Geograficheskoe prostranstvo i kultura: mirovozzrencheskie ustanovki i issledovatel'skie paradigmy v kulturnoj geografii [Geographical space and culture: worldviews and research paradigms in cultural geography]. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Geographical Series], no 4, pp. 18–28. (in Russian)
- Strelnikova A.V. (2018) Smysly zhizni, ukorenennye v prostranstve: nostalgicheskaya identichnost zhitel'ev "zavodskih" rajonov [Sense of life, rooted in space: the nostalgic identity of the inhabitants of the "factory" areas]. *Smysly zhizni rossijskoj intelligencii* [Sense of life of the Russian intelligentsia]/ D.G. Cybikova (comp.), Zh. Toshenko (ed.). M.: RGGU, pp. 275–280. (in Russian)
- Shlyakhovaya A., Dokhov R. (2018) Dvorulitsa (Yardstreet): A Reboot Method for the Semi-Periphery of a Post-Socialist City. *Urban Studies and Practices*, vol. 3, no 1, pp. 40–62. (in Russian)
- Vendina O.I. (2012) Moskovskaya identichnost' i identichnost' moskvichej. [The Moscow identity and the identities of the Muscovites]. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya* [Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Geographical Series], no 5, pp. 27–39. (in Russian)
- Vysokovskij A.A. (2008) Vizual'nye obrazy gorodskoj sredy [Visual images of the urban environment]. Moskva: Lokus Standi. (in Russian)
- Vysokovskij A.A. (2006) Strategiya prostranstvennogo razvitiya i kul'tura goroda [Strategy of spatial development and urban culture]. *Gorodskoj al'manah* [Urban almanac]. The 2nd edition. M.: Fond «Institut ekonomiki goroda» [Institute of city economics], pp. 109–113. (in Russian)
- Zamyatin D. (2017) Kul'tura i prostranstvo. Modelirovanie geograficheskikh obrazov [Culture and space. Modelling of geographic images]. Litres. (in Russian)